

«Сумма движений». Многие стихотворения объединены в циклы. Мне показалось это неуместным. Они вполне могли бы оставаться самостоятельными единицами — без объединения. В данном же случае, идет подавление массой особняком стоящих текстов — к слову сказать, хороших стихотворных текстов.

Что интересно, названия глав произвольно образуют отдельное стихотворение в жанре японской лирической поэзии — хайку. Мешает всего лишь один лишний слог в названии

первой главы. Пустяковина, право слово. Впрочем, можно было бы не заострять на этом внимание читателя, если бы... Уж очень красиво перекликаются названия глав и вот именно, что вкратце, буквально в трех строках рассказывают о содержании «Зимнего окна».

Когда прочитаете книгу, вспомните мои слова. Вспомните и согласитесь:

на поводке любви
линия горизонта
сумма движений

Ольга Бугославская

Судьбу не выбирают

Время от времени жанровые произведения вдруг преподносят читателю точно угаданную правду жизни. Причем в самом прозрачном и кристаллизованном виде.

Роман Дарьи Бобылёвой — чистой воды хоррор. Действие разворачивается в уютном дачном поселке Вьюрки. Ни с того ни с сего в самый разгар сезона из него исчезает выезд. Покинуть поселок становится невозможно. Мало того — останавливается время. Лето, как день сурка, длится и длится, принося огородникам все новый урожай ягод и овощей. Отрезанные от внешнего мира «Вьюрки» превращаются в гоголевское заколдованное место. Запертые в одной замершей точке пространства и времени дачники сталкиваются с новыми «соседями» — существами неизвестной природы, по всей видимости — нечистью, которая настойчиво вторгается в их жизненное пространство. Начинает твориться откровенная чертовщина: оживают неодушевленные предметы, в домах заводятся то ли привидения, то ли полтергейсты и

недотыкомки, сами жители куда-то пропадают. Одни исчезают бесследно, вместо других появляются страшные «подменыши» — прожорливые твари с повадками диких животных... Людей преследуют кошмары и наваждения. Некоторые жители Вьюрков впадают в панику и полубезумие и, защищая себя, совершают ужасные поступки. Дело доходит до преднамеренных убийств. Дачная летняя идиллия превращается в тонкую занавеску, за которой разыгрывается пугающая кровавая драма, а райский сад — в один из кругов ада.

Постепенно среди многочисленных персонажей выделяется главная героиня — одинокая девушка по имени Катя. В романе параллельно действуют два основных закона, определяющих ход нашей жизни — стихийные силы и слепой рок, с одной стороны, и нравственный закон, определяющий осознанный моральный выбор, с другой. Сосуществуют они параллельно, Катя — тот человек, который с помощью второго пытается противостоять первому. И здесь ребром встает вопрос о том, в какой степени человек контролирует собственную жизнь, и до какой

степени от него самого зависит его собственная судьба.

По ходу действия выясняется, что причина всего происходящего во Вьюрках кроется в Катиной семейной истории. Когда-то давно ее бабушка Серафима жила в деревне Стояново. Это место пользовалось дурной славой: люди вынуждены были делить его с теми самыми «соседями», которые впоследствии перекечевали во Вьюрки. Однажды, гуляя в поле, девочка Серафима увидела исполинскую Огненную бабу — Полудницу. Из любопытства стала она разглядывать ее в зеркальце и неосторожно на мгновение ослепила солнечным зайчиком. С точки зрения морали преступления в этом нет никакого, но в рамках взаимоотношений человека и хтонических существ — это серьезное нарушение принятых правил, влекущее тяжелые последствия. Полудница преследует несчастную Серафиму и требует возмещения ущерба. Требование сформулировано настолько туманно: «Первый перст мой», что бедный, запуганный ребенок не сразу понимает, о чем идет речь, и в отчаянии отрубает себе большой палец на руке. Пережив шок и боль, девочка успокаивается, полагая, что ее долг выплачен. Но не тут-то было: Полудница оценила урон гораздо дороже: ей нужен вовсе не отрезанный палец, а кто-то из потомков Серафимы. Выбор падает на внучку Катю.

С самого рождения Катя играла роль невыкупленного залога, но до тридцати лет ни о чем подобном не догадывалась. У нее почему-то никак не складывалась личная жизнь, ее буквально преследовало необъяснимое одиночество... Но с кем не бывает. Когда же ей исполнилось тридцать, судьба предъявила счет за детский проступок-шалость ее бабушки. Уклониться от уплаты она не может. Но ей предоставляется выбор. «Соседи» решают окончательно избавиться от надоевших им дачников и изгнать их из Вьюрков. У Кати есть возможность остаться в скрытом от людских глаз поселке вместе с «соседями». Огненная Баба гарантирует ей неприкосновенность и даже разрешает Кате жить во Вьюрках не одной, а вместе с понравившимся ей молодым человеком Никитой. Уединение выглядит заманчиво: за время аномальных событий люди успели продемонстрировать настолько мрачные свойства своей натуры, что ни Кате, ни Никите

возвращаться в мир людей, где они и без того всегда чувствовали себя не совсем своими, вовсе не хочется. Однако вещий сон подсказывает Кате, что коварная ведьма Полудница задумала не просто выставить вьюрковцев вон из домов, а известить их до смерти — выманить в поле и там заживо сжечь. Назревает очередной кошмар.

Осознав наконец происходящее, Катя бросается спасать обреченных на страшную гибель людей и в полном соответствии с христианской моралью приносит себя в жертву: «Она раскинула руки, и белая вспышка полыхнула над полем. Никита зажмурился, а когда снова смог разлепить обожженные веки — Катю уже охватило белесое пламя. Она как будто обесцвечивалась, сама становилась похожа на Наталью-Полудницу — побелели волосы, глаза затеплились ровным огнем, точно раскаленное железо». Люди спасены, их постепенно накрывает спасительное забвение: они перестают помнить о случившемся, о собственных преступлениях и, конечно, о спасительнице-Кате. «Вьюрки» — обитель «особых тварей» — скрываются с человеческих глаз, переместившись в иное измерение. И только Катя как была невольницей, так и осталась. Подвиг человеколюбия никак не повлиял на ее собственное положение заложницы. Новые жители зачарованных Вьюрков, подобно ведьме из сказки «Пряничный домик» или повести «Вий», заманивают жертв из внешнего мира. Катя, превратившаяся в Полудницу, добровольно сторожит границу, не пуская пойманных в западню заблудившихся путников внутрь страшного поселка, где их ждет верная гибель. Другими словами, она так и осталась чужой и здесь, и там. Она и не человек, и не «особая тварь», а странное недоразумение — «соседка» из мира нежити, которая следует нравственным заповедям.

«Вьюрки» — неутешительный ответ на постоянно звучащий в массовой культуре призыв «взять судьбу в свои руки» и «самим управлять своей жизнью». Хоррор здесь не в появлении страшных существ и не в том, что экстремальная ситуация проявляет в людях все их худшие склонности. Ужас в том, что зона нашего контроля и пространство для маневра ничтожно малы по сравнению с территорией, нами не управляемой.

Алиа Ленивец

Жестянка бесконечных мелочей

Новая книга книжного обозревателя Ольги Балла «Время сновидений» — своеобразный гимн синестезии: описание видимого, слышимого, обоняемого, осязаемого и мыслимого. «Время сновидений» нельзя назвать «карманной литературой» в отличие от «Упражнений в бытии» (2016), хотя «дневниковая фрагментарность» ей тоже присуща. Но это и не сборник статей и эссе, подобный двухтомнику «Примечания к ненаписанному» (2010). И здесь велик соблазн согласиться с тем, что произведения, собранные в эту книгу, не укладываются в существующую систему жанров и представляют собой «новое бытование текста, ждущее корректных филологических определений и новых дефиниций»¹. Однако подобное письмо принято именовать эссеистикой: зыбкость и размытость жанровых границ предоставляет такую свободу. В этом литературном пространстве соседствуют труды Вольтера и Томаса Манна, проза Осипа Мандельштама и Иосифа Бродского, радионные скрипты Петра Вайля и Александра Гениса, журнальные колонки Льва Рубинштейна и Вячеслава Пьецуха. Эссе — это предельное внимание к предмету-объекту, его разглядывание, ощупывание, осмысливание. Эссеистика Ольги Балла носит автобиографический характер (если вообще такое определение может быть здесь уместно), однако воспоминания о реальных событиях, пространствах и вещах, связанных с бытованием автора, тесно переплетаются с ее размышлениями о жизни и мироустройстве вообще. Но книгу Балла нельзя пролистать на бегу или охватить целиком, она относится к

разряду медленного и вдумчивого чтения. «Время сновидений» из тех прозаических книг, которые «нельзя пересказать, только процитировать» (Александр Генис).

Книга Ольги Балла составлена из произведений, часть которых уже была опубликована в разное время в периодических изданиях. Каждый текст наполнен метафизическими размышлениями автора, центральное место в которых занимают локально-темпоральные отношения. Эпиграфом к книге могли бы стать слова Бродского: «На самом деле, литература не о жизни, да и сама жизнь — не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени»¹.

Основа композиции книги — ярко выраженный пространственно-временной континуум: единство двух планов, или «нерасчлененный поток движения во времени и пространстве»². Так начинается книга: *«Давным-давно, летом 1989-го, на своём 24-м году, идучи очередной обыкновенный раз через архетипический двор своего архетипического дома, я вдруг поймала себя на чувстве того, что детство наконец стало чем-то отдельным от меня — и что переживание мира тогда, оказывается, было совсем другим. Пораженная этим открытием, я принялась писать не то чтобы воспоминания, но реконструкцию тогдашнего восприятия всего»*. Но эта пространственно-временная неразрывность явлена уже в самом названии — «Время сновидений»: в культуре австралийских аборигенов «Dreamtime» — эпоха творения (сотворения) мира, установление

Ольга Балла. Время сновидений. — М.: Совпадение, 2018.

¹ Чанцев А. Метафизическая динамика. / <http://www.peremeny.ru/blog/22442>

¹ Бродский И.А. Большая книга интервью. — М.: Захаров, 2000. — С.111.

² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981. — С. 87.